КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сиасет-намэ—книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера. Издание Академии наук СССР. М.—Л. 1949. 379 стр.

Книга под выписанным выше заглавием, вышедшая в серии „Литературные памятники“, издаваемой Академией наук СССР, посвящена персоязычному памятнику раннесредневековой литературы. Это—т. н. „Сиасет-намэ“ или Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька, состоящая из 50(51) глав в 175 отрывках, в русском переводе профессора Б. Н. Заходера (стр. 1—237), с его же кратким „послесловием“ (стр. 241—243), довольно обширным „введением в изучение памятника“ в 5 разделах (стр. 245—312), ценными примечаниями в количестве 504 (стр. 313—353) и справочным аппаратом (стр. 354—375). В частности, разделы „введения“ трактуют о таких вопросах, как: историография; состав сочинения; варианты и дополнения по содержанию; источники. параллели и специфические особенности; выводы и предположения. Справочный аппарат включает: список условных сокращений названий сочинений восточных авторов; именной указатель; указатель географических названий; предметный указатель; терминологический индекс (арабский алфавит). Ответственный редактор издания—член-корреспондент АН СССР профессор Е. Э. Бертельс.

„Сиасет-намэ“ является одним из важнейших источников по истории сельджукской империи, возглавлявшейся огузской по происхождению династией Сельджукидов, в лице преемственно занимавших трон султанов или т. н. „великих сельджуков“—Тогрул-бека (1038—1063), Алп-Арслана (1063—1072) и Малик-шаха (1072—1092), которые, в особенности последние двое, своими нашествиями и разорениями немало причинили бедствий Армении в XI веке.

В этой связи рецензируемое editio princeps русского перевода памятника, приписываемого Низам ал-мулька, знаменитому вазиру и атабеку Алп-Арслана и Малик-шаха, приобретает для историков Армении несомненный интерес, тем более, что „дошедшая до нас литература сельджукского периода,—как правильно замечает проф. Б. Н. Заходер,—малочисленна и небогата содержанием“ (стр. 242).

Согласно общепринятому мнению, „Сиасет-намэ“, как одно из „замечательнейших произведений восточного средневековья“, притом вышедшее из-под пера Низам ал-мулька, непримиримого и яростного врага исмаилитов-асасинов, убитого в 1092 г., рассматривается как в некотором роде завещание, написанное вазиром незадолго до своей гибели. Однако проф. Б. Н. Заходер находит, что „этот общепринятый взгляд на авторство памятника.. нуждается в коренном пересмотре“, поскольку „значительная часть памятника была составлена значительно позднее гибели Низам ал-мулька в начале XII в.“ (стр. 242), другими словами говоря—книга о правлении вазира Низам ал-мулька завершена в правление Мухаммеда б. Малик-шаха (1105—1118).

„Сиасет-намэ“, по мнению проф. Б. Н. Заходера, „является сложным целым“ (стр. 311). Правда, в основе его лежит „подлинный политический документ, написанный вазиром“ (там же), однако, наряду с этим, как говорит проф. Б. Н. Заходер,

„у нас не существует какой-либо уверенности в принадлежности большей части разделов Сиасет-намэ Низам ал-мулька“ (стр. 300), поскольку „главы, включающие подлинные рассуждения и повествования Низам ал-мулька, содержат значительное число рассказов, не принадлежащих авторству Низам аль-мулька“ (стр. 311); причем „выделение этих рассказов, как и более глубокий анализ сочинения“, должны составить предмет будущих исследований.

„Написанная в форме поучения, богато иллюстрированная различными примерами-рассказами“, Сиасет-намэ, по словам исследователя, это—„острый политический документ, направленный в значительной мере против развития ленной системы и децентрализации государственной власти“ (стр. 242). Он, этот документ, „призывает к созданию централизованного государственного аппарата, гвардии, широкой осведомительной службы“. Однако, „в условиях установления военно-ленной системы эти пожелания были утопией“, поскольку „они выражали страх господствующего класса перед крестьянскими восстаниями и иноземными нашествиями“ (там же).

„Представляя в своих рассказах-иллюстрациях таджикско-персидскую литературную традицию“, Сиасет-намэ с этой точки зрения, по мнению исследователя, „является одним из образцов раннесредневековой таджикско-иранской литературы, совершенно неисследованным и нуждающимся в самом пристальном внимании наших литературоведов“ (стр. 242—243).

Персидский текст „Сиасет-намэ“ был издан дважды: в 1891 и 1934 гг. Читателю же, не владеющему персидским, содержание памятника доступно было лишь по наличному французскому переводу Ш. Шефера от 1893 г. Ныне, благодаря усердию проф. Б. Н. Заходера, памятник этот доступен русскому и вообще советскому читателю; причем первая попытка полного перевода такового на русский язык осуществлена по изданию 1891 г. (Ш. Шефера).

Подлинный текст „Сиасет-намэ“ состоит из 50(51) глав, включающих в себе 175 отрывков, которым предпослано небольшое введение с кратким перечнем основных 50 глав; причем это введение заканчивается замечанием следующего содержания: „Сначала Низам ал-мульк разом выразил тридцать девять глав в кратком виде, после того поразмыслил и по причине горя, которое было на его сердце из-за супротивников державы, прибавил еще одиннадцать глав“; кроме того „к каждой главе он добавил то, что было подобающим для той главы“ (стр. 10).

„К части, где находится подлинное сочинение Низам ал-мулька“ (по выражению проф. Заходера, стр. 311), отнесены главы 2—39, 42—43, 48—50; остальные же части, как-то: введение и главы 1, 40—41, 41—47, признаны „безусловно не принадлежащими Низам ал-мулька и добавленными его издателем“ (стр. 311). Хотя при этом ученый переводчик-исследователь замечает, что „такое заключение не лишает, конечно, и этих глав чрезвычайной значительности“, поскольку „написанные около двух десятилетий спустя после смерти Низам ал-мулька эти главы, несмотря на все присущие им неточности, являются первоклассным источником по истории сельджукского государства конца XI—начала XII в.“ (там же).

Достаточно сказать, что „Сиасет-намэ“ вообще содержит в себе весьма ценный материал по всем деталям государственного строя и образа правления сельджуков, в частности по вопросам суда и расправы, организации дворцовой охраны, разведки, с присовокуплением истории народных движений, проявлявшихся в течение веков (VI—X) в виде ересей, и пр.

В отдельные главы „Сиасет-намэ“ вкраплены, между прочим, весьма интересные сведения по истории Востока, вообще, и Армении и Азербайджана (Азербайджана), в частности.

Глава 42-я, посвященная вопросу о недопустимости, так сказать, „совместительства“ двух должностей в одном лице, содержит, между прочим, упоминание Армении и Аррана, притом в следующем контексте: „Если содержат четыреста тысяч людей, то у господина будет, вне всякого сомнения, Хорасан, Мавераннахр, Кашгар, Баласагун, Хорезм, Нимруз, Ирак, Парс, Сирия, Азербайджан, Армения,

Антакия, Бейт ал-Мукаддас" (стр. 167); причем вариант рукописи дает такое дополнение: „И Арран, и Мазандерав; Бейт ал-Мукаддас—Иерусалим" (стр. 334, прим. 303).

В следующей (43-й) же главе, на тему „Относительно женщин и пр.", содержится рассказ о Ширин и ее взаимоотношениях к Хосрову и Фархаду, в следующем контексте: „А вот другой случай, прекрасный и известный рассказ о Хосрове, Ширин и Фархаде. Хосров так полюбил Ширин, что он отдал в ее руки бразды правления. Он делал все, что она говорила. Конечно, Ширин стала дерзкой и при таком государе, как Хосров, полюбила Фархада" (стр. 182). Вне всякого сомнения, что приведенный краткий рассказ перекликается с сюжетом широко распространенных на Востоке поэм о Хосрове и Ширине, Фархаде и Ширин и пр., при наличии древнейшей версии (архетипа у армянского историка VII в. Себеоса).

Последние главы „Сиасет-намэ" посвящены истории еретических гесп. народных движений на Б. Востоке при сасанидах и арабах (VI—X вв.), которые могли бы быть перечислены в следующей хронологической последовательности (ср. стр. 301—302): деятельность Маздака около 528—529 гг.; деятельность его жены Хуррамэ, около того же времени; восстание Сумбада Гябра в 755 г.; восстание батинитов Гургана в 778—779 г.; восстание Муканны Мервези—до 783 г.; деятельность карматов в Месопотамии и Ирак-и-Аджами в VIII—IX в.; деятельность батинитов Сирии и фатимидов в начале IX в.; восстание в Исфахане, в конце правления Харун ар-Рашида около 809 г.; восстание Бабека до 838 г.; восстание в правление халифа Васика в 842—847 гг.; восстание зинджей—до 883 г.; восстание карматов округа Гур и Герата в 907 г.; восстание—до 912—913 г.; деятельность Хусейн б. Али Мервези и Мухаммеда Нахшаби—до 943 г.; деятельность Бу-Саид Джаннаби и Бу-Тахира—до 951 г. При этом устанавливается, что „Сиасет-намэ" использует Табари, Ибн Мускавейха, „Маздак-намэ", „Бабек-намэ", „Историю Исфахана" и пр.

Как выдающееся произведение персоязычной таджикской литературы „Сиасет-намэ" отражает в себе, между прочим, и фольклорный материал в виде рубаи-четверостиший и двустиший, довольно удачно представленных в русском переводе.

По существу, это—дидактические изречения отчасти в духе феодально-классовой идеологии социальных верхушек.

1.

Один преданный раб лучше сотни сыновей,
Так как они желают смерти отца, а он жизни господина.
(гл. 27, стр. 123).

2.

Великодушие лучше всех дел,
Великодушие из обычая пророка.
Два мира несомненно будут за великодушным.
Будь великодушным и два мира—твой.
(гл. 35, стр. 137).

3.

Если ты бережешься врагов друга,—так и следует!
Хороша для тебя дружба с друзьями друга.
Не полагайся на два вида людей:
На друзей врага и на врагов друга.
(гл. 42, стр. 166).

4.

Я видел мало в мире полезного без изъяна,
Я видел мало любезных сотоварищей без ненависти.

Друга, который не стал бы в конце концов врагом,
Много я по свету искал—мало видел.

(гл. 48, стр. 229).

5.

И станешь предметом рассказов, если сделаешь трон
из небесного свода,
И станешь предметом молвы, если опояшешься поясом
из небесного свода.

Старайся, когда ты молвишь слово, чтобы веским
было слово,

Пытайся, став предметом рассказов, чтобы хорош
был рассказ.

(гл. 50, стр. 234).

По существу рецензируемой книги нам хотелось бы высказать некоторые замечания.

1. Появление монгольского термина „аркауниан“ в контексте „Сиасет-намэ“, по проф. Б. Н. Заходеру, „может быть объяснено ошибкой переписчика, так как носит случайный, единичный характер“ (стр. 300). Не проще ли было бы это явление, кстати отметим, хорошо известное в армянской историографии XIII века (напр. в „Истории Сисакана“ Стефана Орбеяна), объяснить как простую интерполяцию.

2. Признавая „Сиасет-намэ“ сложным памятником XI—XII вв., притом окончательно сложившимся в правление Мухаммеда б. Малик-шаха (1105—1118), проф. Б. Н. Заходер тем не менее признает, что „язык Сиасет-намэ по архаичной прозрачности и ясности весьма близок к такому общепризнанному произведению XI в., как мемуары Абу-л-Фазля Бейхани“ (стр. 300), что, как-будто, несколько не совпадает с уточняемой исследователем-переводчиком датировкой памятника.

3. В пассаже, посвященном обзору народных движений VI—X вв., проявлявшихся подчас в виде ересей, нет оценки таковых: насколько одни из них были прогрессивными, демократическими, а другие—реакционными.

4. „Введение в изучение памятника“, пожалуй, лучше было бы предпослать переводному тексту памятника, а не помещать его вслед за „послесловием“.

Эти замечания, думается нам, ни в какой мере не умаляют значения рецензируемой нами книги „Сиасет-намэ“.

Вообще же нужно признать, что появление в русском переводе и с научно-критическим аппаратом проф. Б. Н. Заходера выдающегося произведения таджикско-персидской литературы „Сиасет-намэ“, вслед за выходом в свет исследования акад. В. Гордлевского „Государство сельджуков Малой Азии“ (М.—Л. 1941), несомненно, крупное событие в области советского востоковедения, вообще, и в деле изучения истории сельджуков, в частности.

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕК